

В.А. ХРШАНОВСКИЙ
V.A. KHRSHANOVSKII

**МЕЖДУ ГОТАМИ И ГУННАМИ.
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
IV в. н.э. (По результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.)
BETWEEN GOTHs AND HUNS.
NEW MATERIALS TO THE HISTORY OF EUROPEAN BOSPORUS
OF IV century AD (Based on excavations of the necropolis of Kytaiia in 2009–2016)**

В 2008 году археологическая экспедиция Государственного музея истории религии (Санкт-Петербург), которая на протяжении 40 лет (с некоторыми перерывами) проводила археологические раскопки в Восточном Крыму, прекратила свое существование. С 1968 по 1979 г. некрополи возле города-крепости Илурат исследовались под руководством М.М. Кубланова. На протяжении последующих 25 лет (с 1984 по 2008 г.) экспедицию музея возглавлял автор статьи. В 1989 году, одновременно с работой на Илуратском плато, начались охранно-спасательные работы на некрополях, расположенных на Китейской равнине в непосредственной близости от античного города Китей.

После отказа Государственного музея истории религии продолжать археологические исследования на Керченском полуострове основным источником их финансирования стал Благотворительный фонд «Деметра». Только благодаря этому до 2013 года включительно продолжались охранно-спасательные работы на грунтовых и курганных некрополях возле Илурата и Китея. С 2014 года по настоящее время они сосредоточены на юго-западном участке некрополя Китея, в зоне интенсивной береговой абразии (рис. 1).

* * *

На юго-западном участке некрополя Китея охранно-спасательные работы начались ещё в 1992 году исследованием многочисленных грабительских шурфов. В ходе многолетних исследований (до 2009 года) здесь были обнаружены пять раскопов (XXIII, XXV, XXXIII, XXXIII-A, XL) (рис. 2), в которых найдены три монументальных склепа, сложенных из блоков и плит известняка (№ 141, 206, 300), один грунтовой (засыпной) склеп (№ 344), около 40 грунтовых и плитовых могил, а также многочисленные следы разнообразных по форме и богатым по материалу тризн.

Наличие в культурном слое этого участка разновременных материалов (от IV в. до н. э. до IV в. н. э.) на протяжении длительного времени не позволяло датировать по материалу из грунта заполнения каменные склепы с разрушенными сводами и грунтовой засыпной склеп. Однако в последующие годы (с 2009 по 2016) было полностью завершено исследование склепа № 344 (раскоп XL) и заложены два новых

раскопа (XLVI и XLVII) (рис. 2), в которых обнаружены «закрытые» комплексы (не потревоженные могилы, ритуальные конструкции, жертвенные ямы), что позволило «расслоить» открытые здесь до настоящего времени погребальные и поминальные сооружения. Самые ранние из них, как теперь представляется, относятся ко второй половине IV–началу III вв. до н. э., самые поздние – к концу III–IV вв. н. э. Среди первых оказались элитные эллинистические склепы [Хршановский, 2013, с. 182–200] и необычное грунтовое погребение старика с младенцем [Хршановский, 2004, с. 387, рис. 4]. Ко вторым – поздним – относятся грунтовой склеп № 344 [Хршановский, 2010, с. 455–456], более четырех десятков погребений в грунтовых и плитовых могилах [Хршановский, 2016, с. 108–141] и сопутствующие им тризны.

Поздние следы погребально-поминальных и ритуальных действий, открытые на юго-западном участке некрополя Китея, связаны с одним из наиболее темных и сложных периодов боспорской истории – IV в. н. э. Публикация новых материалов, найденных в ходе раскопок последних лет, позволяет уточнить их хронологию и сделать первые предварительные выводы о возможной этнокультурной принадлежности тех, кто между нашествиями готов и гуннов оказался на Китейской равнине и оставил здесь столь многочисленные и монументальные следы.

К самым большим погребальным сооружениям этого времени относится склеп № 344 (раскоп XL), расположенный рядом с эллинистическими склепами № 206 (раскоп XXXIII), № 141 (раскоп XXV), в непосредственной близости от склепа № 300 (раскоп XXXIII А), который исследовался на протяжении восьми полевых сезонов (с 2002 по 2009 г.) (рис. 2). Склеп был вырублен с уровня древнего горизонта в пласте мягкого (в настоящее время полуразложившегося и крошащегося) известняка и очень плотной материковой (зеленой с белыми глазками) глине. Как и соседние эллинистические склепы № 141 и 300, он был ориентирован с юга на север (рис. 3а, б).

Камера склепа имела подпрямоугольную форму (вытянута в меридиональном направлении). Длина камеры 5,5–6,3 м, ширина 4–4,3 м, глубина (от пола – выровненной материковой глины – до уровня древнего горизонта от 0,5 до 1 м), до современной дневной поверхности – 2,4–2,5 м. Подводящий к камере дромос подквадратной формы длиной 2–2,6 м, шириной 2,5–3,5 м был отделен от камеры невысокой, вырубленной в материковой глине ступенькой-порогом (высота – 0,12–0,2 м). Соответственно и пол дромоса по отношению к полу камеры был выше на такую же величину.

Никаких следов перекрытия склепа обнаружено не было. Создалось впечатление, что после совершения погребальных и сопутствующих поминальных ритуалов он был засыпан слоем серо-желтого суглинка мощностью до 1,3 м.

Пласт известняка, прорубленный при сооружении склепа, отчетливее всего читался в северной стенке камеры (борту раскопа). По всей вероятности, из обломков известняка этого же пласта было сооружено и сохранившееся частично символическое ограждение (кромлех?). Оно было зафиксировано в виде полукруга над северной стеной камеры склепа (за годы раскопок 6 из 8 камней обрушились) (рис. 3а). Возможно,

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

в южной половине склепа на уровне древнего горизонта ограждение имело продолжение из гораздо более мелких необработанных камней, доходя до дромоса.

Внутренние границы (стенки) камеры склепа с северной, западной и восточной сторон были определены (иногда условно) по выходам предматерикового суглинка и зеленой материковой глины. С южной – камеру от дромоса отделял невысокий (0,12-0,2 м) порог, также вырубленный в материке.

Западная и восточная стенки подводящего к камере дромоса были образованы невысокими (до 0,3 м) подрубками в пласте известняка. Обозначенные камнями и подрубкой в скальном массиве линии внешнего контура камеры на юге симметрично с запада и востока закруглялись и замыкались у входа в дромос.

Склеп был ограблен в древности. Стратиграфия слоев нарушена.

Лишь в нескольких местах удалось зафиксировать выгороженные ритуальные площадки с зольными пятнами и другими следами совершенных тризн.

Одним из таких объектов оказалось зольное пятно в восточной части дромоса, возле которого *in situ* был зафиксирован керамический комплекс: в краснолаковой тарелке лежала на боку лепная ойнохоя (рис. 4, 1-3). В этом же слое в непосредственной близости был найден и глиняный светильник с рельефными круглыми точками-горошинами на плечах (рис. 4, 4).

При всей необычности формы – склеп без перекрытия – назначение открытой в XL раскопе конструкции сомнений не вызывало. В грунте заполнения на разных уровнях повсеместно встречались разрозненные человеческие кости. Качество антропологического материала (многочисленные человеческие останки были разметаны по всему раскопу, на разных уровнях, что практически делало невозможным выявление и идентификацию костей каждого отдельного субъекта) позволило лишь примерно установить общее количество погребенных – около 30. Среди них было не менее 20 взрослых (4 мужчины, 5 женщин, пол остальных не установлен), подросток 8-13 лет и 9-10 детей (от новорожденных до 10 лет). Взрослые были преимущественно представлены мужчинами и женщинами среднего возраста, но имелось и несколько пожилых людей: 55–60 лет.

Наряду с костными останками людей возле ритуальных площадок с зольниками и в мешаном грунте заполнения склепа были обнаружены многочисленные кости животных (иногда кальцинированные): лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, зайца и птиц (серого домашнего гуся, домашней курицы, пустельги, балобана, дрофы, лебеда-шипунa, белолобoгo гуся, пеганки, утки, полевого луна, чернозобой гагары, черношейной поганки, большой поганки, большого баклана, огари, орлана-белохвоста, домового сыча, морской чернети, неопределимой воробьиной птицы, серой куропатки, хохлатой чернети), дельфина и рыб (в том числе осетра).

В ходе раскопок часто встречались скопления раковин улиток-виноградниц, створки морских раковин, клешни краба, морские окатыши (в том числе окаменелости), галька, угольки.

Стратиграфия слоев над зольниками («пойманная» ненарушенной в нескольких

Боспорские исследования, вып. XXXV

местах) свидетельствовала о череде совершавшихся над ними ритуальных действий, в том числе с возжиганием огня. Их связь с совершавшимися здесь поминальными обрядами (тризнами), включавшими жертвоприношения животных, не вызывает сомнений.

Хронология этого погребально-поминального комплекса поначалу вызывала недоумение. В грунте заполнения склепа и над ним, как в мешаном переотложенном слое, повсеместно соседствовали вещи от IV в. до н. э. до конца III-IV вв. н. э.

Выявленная «вилка» прослеживалась по всем датирующимся материалам. Так амфорная керамика была представлена как (в меньшем количестве) фрагментами (в том числе с клеймами) греческого импорта начиная с IV в. до н. э. (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа), так (в большем количестве) и поздними III-IV вв. до н. э.: узкогорлыми светлоглиняными типа Е (по Шелову), красноглиняными с ребристым туловом, светлоглиняными толстостенными типа 104 по Зеест. Расписная и кружальная керамика с лаковым покрытием – от обломков краснофигурных расписных, сетчатого лекифа и чернолаковых сосудов до гораздо более многочисленных фрагментов поздних краснолаковых (в том числе «рыбных блюд»). Кружальная посуда без покрытия была представлена широким спектром обломков светлоглиняной, красноглиняной, сероглиняной и чернолощенной керамики, не поддающейся узкой датировке. Были представлены среди керамических остатков и лепные сосуды (в том числе орнаментированные), являющиеся скорее этнокультурным, чем хронологическим маркером.

Немногочисленные фрагменты эллинистических терракотовых статуэток и масок, найденные в ходе раскопок, как представляется, были вторично использованы, в отличие от предположительно синхронных склепу обломков глиняных светильников (маленьких закрытых однорожковых со щитком «в виде раковины» и открытого лепного на высокой ножке – III-IV вв. н. э.). Керамические пряслица и грузила не могут быть привлечены для уточнения хронологии комплекса, как и довольно многочисленные стеклянные и янтарные бусины, как правило, широко датирующиеся римским временем. В числе прочих находок необходимо отметить обломки стеклянных сосудов, трехгранный втульчатый наконечник стрелы, фрагменты зеркал. Довольно многочисленны были и железные предметы: обломки мечей, ножей, элементы конской упряжи, кольца. Встречались костяные изделия как целые (проколки), так и сильно фрагментированные.

Бесспорным дополнительным признаком ритуального характера совершавшихся в склепе № 344 действий являлось наличие в грунте заполнения «странных» вещей, принадлежавших другой исторической эпохе, – обломка каменного топора, кремневых орудий и отщепов или просто осколков гранита, кусков мела, астрагалов, вероятно наделяемых теми, кто их использовал при совершении погребально-поминальных обрядов, каким-то особым смыслом.

Если исходить из того, что сооружение склепа и совершенные в нем ритуальные действия были произведены одновременно, а обнаруженный в ходе исследования материал имеет при этом хронологическую вилку в 700 лет, датировать весь погреб-

Разрушенные к этому времени соседние склепы, сооруженные в IV в. до н. э. (№ 141, 206 и 300), были использованы вторично. Но уже не по своему первоначальному назначению, а как ритуальные площадки с поминальными тризнами, сопутствующие расположенным поблизости синхронным погребениям в грунтовых и плитовых могилах [см. Хршановский, 2016, с. 108–141].

Небезынтересно, что в центральной части некрополя Китея в 90-х годах XX века уже были открыты, исследованы и доследованы после грабителей склепы № 263, 265 и 269. Первый из них, сложенный из блоков и плит известняка с мощеным полом и предположительно полуциркульным сводом, напоминал по архитектуре и конструкции эллинистические склепы юго-западного участка [Хршановский, 2002, с. 313–316, рис. 1]. Два других – № 265 и 269 были вырублены в скальном массиве [там же, рис. 2-3]. Последний, как и склеп № 344, не имел никаких признаков свода (перекрытия). Весьма вероятно, что его изначально не было и над склепом № 265. Во всяком случае, при последнем использовании его в прежнем качестве погребального сооружения он, как и два других, был просто засыпан грунтом. При наличии во всех трех склепах материала II–III вв. н. э. по монетам последних боспорских царей – Фофорса, Рескупорида IV и V эти погребальные комплексы датируются не ранее чем второй четвертью IV в. н. э. [Хршановский, 2002, с. 313–323].

Таким образом, погребальная культура, выявленная в центральной части некрополя Китея в склепах № 263, 265, 269, и по времени, и по зафиксированному обряду кажется очень близка (если не тождественна) погребально-поминальным комплексам, открытым в первом десятилетии XXI века на юго-западном участке.

После завершения раскопок склепа № 344 в 40 м к юго-востоку, в зоне береговой абразии, был заложен еще один раскоп, получивший порядковый номер XLVI (рис. 2). Через шесть лет он приобрел форму правильного прямоугольника (10 – 20 м). В раскопе были обнаружены три грунтовые могилы (№ 382, 384 и 386), несколько жертвенных ям (№ 377–379, 381, 383, 385, ритуальный комплекс № 380 и захоронение лошади (рис. 6). Все перечисленные выше объекты были перекрыты общей насыпью из серо-желтого рассыпчатого суглинка, которая имела форму вала шириной около 20 м, высотой до 2 м, вытянутого в меридиональном направлении. Южная оконечность вала (вместе с частью высокого обрывистого берега и всем, что на нем находилось) к настоящему времени разрушена интенсивной береговой абразией (рис. 1). Но в северном направлении вал отчетливо прослеживается не менее чем на 80 м. Возможно, такая же насыпь имелась и над склепом № 344, а общее количество заметных на этом участке (к западу от западной крепостной стены Китея) параллельных друг другу «валов», вытянутых с юга на север, насчитывает более двух десятков.

Самым монументальным сооружением, обнаруженным под насыпью в раскопе XLVI, оказался ритуальный комплекс № 380 (рис. 7, а, б). Он представлял собой подпрямоугольное в плане сооружение, вытянутое с юга на север (с небольшим отклонением к востоку). Длина его – 5,2–5,7 м, ширина – 2,8 м. Стены сооружения сложены иррегулярной постелистой кладкой в 2–3 слоя из уплощенных разнокалиберных

ле кисти левой руки было найдено бронзовое кольцо, под головой – несколько стеклянных бусин. Близкие по типу стеклянные бочковидные бусины с металлической прокладкой встречаются только в комплексах римского времени. Лепной кувшин и бронзовое кольцо не могут быть привлечены для уточнения датировки.

В третьей могиле – № 386, расположенной к западу от могилы № 382, никаких следов погребенного и погребальных действий не обнаружено.

В восточной части раскопа, рядом с ритуальным комплексом № 383 (жертвенной ямой, перекрытой грубо обколотой плитой известняка), был обнаружен *in situ* наполненный углями красноглиняный горшок с ручкой.

В отличие от раскопа XL в насыпи, перекрывающей погребально-поминальные комплексы и на уровне древнего горизонта (вне могил № 382 и 384), кости человека встречались крайне редко и могли быть отнесены к случайным находкам. Зато и в насыпи, и на полу комплекса № 380 в изобилии были представлены кости животных, как их отдельных частей, так и целых особей (лошади, коровы, свиньи, овцы, козы, собаки, зайца-русака), а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба.

Помимо синхронных следов жертвоприношений животных в раскопе XLVI, как и над склепом № 344 в XL раскопе, содержалось большое количество разновременного материала с той же хронологическойвилкой: IV в. до н.э.–IV в. н.э. Эллинистический материал IV–II вв. до н.э. был представлен довольно многочисленными фрагментами (в том числе с клеймами) импортной амфорной керамики (Хиос, Фасос, Гераклея, Синопа, Родос), обломками расписных чернолаковых сосудов (на некоторых из них имелись граффито), терракотовыми статуэтками, раннеэллинистической медной пантикапейской монетой (Л.с. Голова бородатого сатира. О.с. стерта) (рис.10, 1), условно датирующейся ок. 310 – 304 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 132, с. 141]. Скорее всего, эти вещи были взяты из эллинистических склепов, расположенных поблизости (к тому времени, по всей вероятности, уже разрушенных и разграбленных). В меньшем количестве присутствовал материал I в. до н.э. – II в. н.э.: фрагменты амфоры, расписной керамики, краснолаковых сосудов, медная пантикапейская монета, по ближайшей аналогии – Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Пасущийся Пегас влево (рис. 10, 2), датирующаяся ок. 47–37 гг. до н.э. [Анохин, 1986, № 250, с. 148]. Среди амфорных клейм этого времени заслуживает упоминания редкое для Северного Причерноморья римское клеймо VISELL[I] [Павличенко, 2013, с. 100–107].

Общее количество и местонахождение гораздо более ранних «асинхронных» вещей могут свидетельствовать о том, что эти «чужие» вещи были преднамеренно собраны, принесены и вторично использованы в погребально-поминальных обрядах в конце III–IV вв. н. э. Косвенным подтверждением высказанного предположения является то, что многие фрагменты амфор с клеймами как будто специально сколоты или обломаны, а некоторые клейма находились на окатышах, по всей вероятности, как и многочисленные гальки и створки раковин, были подобраны в море или на берегу на значительном удалении от места находки. Кроме того, помимо эллинистических вещей здесь, так же как и в предыдущем раскопе, оказались (вряд ли случайно)

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

каменные орудия труда и «отходы» их производства (обломок топора, кремневый нож, кремневые отщепы).

Возможно, среди медных монет, найденных в XLVI раскопе, были и монеты последних боспорских царей, которые определили бы и здесь нижнюю хронологическую границу. К сожалению, все они оказались сильно корродированы и изображение на них не сохранилось. Единственным ориентиром могут быть развалы амфор рядом с могилами № 382 и 384, зафиксированные *in situ* на уровне древнего горизонта (рис. 9, 1-3). По сохранившимся нижним частям без полного профиля они не могут быть точно атрибутированы. Но их принадлежность к поздним красноглиняным реберчатым амфорам бесспорна. По дну и ножке первая может быть широкогорлой [Абрамов, 1993, табл. 64, тип. 7.23, с. 51] или типа М. 273 по Н.С. Robinson [он же, табл. 65, II, тип 7. 29, с. 51-52], вторая – близка по форме к круглодонным, вытянутой формы [Зеест, 1960, тип XXXIX, 99, с. 120]. Нижняя граница первой, в таком случае – вторая половина III в. н. э., второй – IV в. н. э.

В последнем из раскопов этого участка – XLVII, заложенном в 2016 году, в скоплении керамических остатков (тризне?) также преобладали стенки красноглиняных реберчатых амфор. Но среди них оказались и два горла с венчиками светлоглиняных толстостенных (рис. 10, 4), надежно датирующихся концом III - IV вв. н. э. [Зеест, 1960, с. 121-122, табл. 104а], что подтверждает предварительную датировку и всех поздних погребально-поминальных действий на юго-западном участке китейского некрополя.

Среди подавляющего большинства стенок реберчатых красноглиняных амфор и обломков лепной посуды крайне неожиданными оказались пять фрагментов сосуда с рельефными изображениями театральных (трагических) масок, виноградной лозой и кистью винограда, мордой козла и туловищем еще одного четвероногого животного (козла или собаки) (рис. 10, 3).

По первому, предварительному заключению Н. В. Молевой, глина, из которой сделан сосуд, светло-красная, пористая, слоистая, с редкими белыми и темными включениями – боспорская, возможно, даже взята из окрестностей Китея. Внешняя поверхность покрыта тонким светлым, желтоватым ангобом. Поверх ангоба сосуд был раскрашен голубой краской, следы которой местами (в основном в углублениях) сохранились. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, сосуд представлял собой чашу большого диаметра с вертикальными стенками и широким слабо выраженным венчиком, подчеркнутым на лицевой стороне тонкой бороздкой. Рельеф был оттиснут в форме, глаза и рты масок и доработаны стекой.

Сюжет рельефа, по всей вероятности, носит культовый (дионисийский?) характер. Однако на данном (начальном) этапе исследования отсутствие близких аналогий не позволяет ни уточнить назначение сосуда, ни определить время его создания. Известные кувшины из такой же глины датируются II-III вв. н. э.

Установленное время возникновения и функционирования грунтового некрополя на юго-западном участке китейского некрополя – конец III–IV вв. н. э. не может не ставить его появление в зависимость от последствий готских походов середины

– второй половины III в. н. э. «В целом этническая ситуация в Восточном Крыму во второй половине III–IV вв. на основе отрывочных письменных свидетельств и археологических источников представляется достаточно сложной и пестрой. Неоднократные вторжения во второй половине III в. значительных полиэтнических варварских групп, во главе которых стояли германские, в том числе, возможно, и готские дружины, приводят к значительному перемещению сельского населения европейской части Боспора и инфильтрации этих «условно» готских элементов в состав городского населения. Особенно это характерно для Пантикапея-Боспора и Китея, а вероятно, и Киммерика» [Зинько, 2008, с. 135]. Другие авторы отмечают, что в это же время на Боспоре прослеживается аланская волна [Масленников, 1997, с. 40] и в целом «резко возрастает сармато-аланский этнос» [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова, 2005, с. 193].

Массовую тезаврацию кладов с монетами последних боспорских царей М.Г. Абрамзон связывает с периодическими набегами в 20-х – начале 40-х гг. IV в. объединений племен различных этнических групп, «в первую очередь сармато-аланов и германских дружин с Меотиды» [Абрамзон, 2016, с. 9]. Подтверждением того, что происходившие в это время на Боспоре процессы затронули Китей, является найденный там в 2012 году клад позднебоспорских статеров [Абрамзон, Молев, 2016, с. 387–409] и, возможно, находка на некрополе импортной фибулы-броши (рис. 5, 4).

Важным этнокультурным индикатором могут оказаться многочисленные лепные сосуды, обнаруженные в тризнах и в могилах юго-западного участка китейского некрополя (рис. 4, 2; 8, 2). Так, лепному амфороидному сосуду, обнаруженному в ногах погребенного в могиле № 384 [Хршановский, 2016, с. 140, рис. 14, 1], по заключению Н.А. Гаврилюк, есть аналогии на Кавказе, в культуре аланов.

С этим коррелируют и данные антропологического анализа: в трех исследованных на этом участке могилах (№ 123, 243, 332) у погребенных зафиксированы следы прижизненной деформации черепа лобно-теменной давящей повязкой, что может являться признаком их принадлежности к сармато-аланской этнической группе.

Уточнение общей и внутренней хронологии исследуемого участка некрополя и выявление его этнокультурных компонентов должны произойти в ходе дальнейших археологических раскопок, накопления и осмысления полученного материала.

Весьма плодотворным для понимания процессов, происходивших на Европейском Боспоре после «готских» походов, представляется сопоставление позднеантичных участков некрополя и городища Китея с другими археологическими памятниками того же IV в. н. э., открытыми и исследованными в последние десятилетия на городище и некрополе Белинское [см. например, Зубарев, 2009, с. 175–181] и на Илуратском плато [Хршановский, 2015, с. 142–147].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М. Г., Иванина О. А. Античные монеты. Том II. Киев, 2010.

Абрамзон М. Г. Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н. э.: проблема интерпретации // Боспорские чтения XVII. Керчь, 2016.

Хршановский В.А. Между готами и гуннами ...

- Абрамзон М. Г., Молев Е. А. Клад позднебоспорских статеров из Китея, 2012 // ВДИ № 2, 2016.
- Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология. Боспорский сборник 3. М., 1993.
- Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА № 83. М., 1960.
- Зинько В. Н. «Готы» в Восточном Крыму // БИ XIX. Симферополь-Керчь, 2008.
- Зубарев В. Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н. э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // БЧ X. Актуальные проблемы. Керчь, 2009.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Светильники городища Белинское // ДБ Т. 7. М, 2004.
- Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н. э. Симферополь, 2010а.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993.
- Кругликова Я. В. Фибула-брошь из некрополя Китея // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. М-лы международной научной конференции. СПб., 2009.
- Кучеревская Н. Л. О консервации скульптуры из осадочных камнеподобных пород// Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013.
- Масленников А. А. Население Боспорского царства в первые века н. э. М., 1997.
- Павличенко Н. А. Находка римского клейма в Китее // ФИДИТИЯ: памяти Ю.В. Андреева. Сб. научных трудов. СПб., 2013.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10» // *Stratum plus*. 2003-2004, №4. СПб – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2005.
- Хршановский В. А. Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея// БИ. Вып II. Симферополь, 2002.
- Хршановский В. А. Новые погребальные комплексы V-IV вв. до н. э. на некрополе Китея // Боспорские чтения V. Этнические процессы. Керчь, 2004.
- Хршановский В. А. Раскопки некрополей Китея и Илурата в 2009 году//Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ–Луцьк, 2010.
- Хршановский В. А. Элитные склепы IV-III вв. до н. э. на юго-западном участке некрополя Китея// Культурный слой. Сб. научных статей. Вып. 2. Нижний Новгород, 2013.
- Хршановский В.А. Круглые святилища на Илуратском плато// Таврические студии № 7. Симферополь, 2015.
- Хршановский В. А. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. Сб. научных статей. Вып. 4. Нижний Новгород, 2016.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Ivanina O.A. *Antichnye monety*. Vol. II, Kiev, 2010.
- Abramzon M.G. Massovaia tezavrizatsiia na Bospore v 320- nachale 340 gg. n.e. *Bosporskie chteniia* XVII. Kerch', 2016.
- Abramzon M.G., Molev E.A. Klad pozdnebosporsskikh staterov iz Kiteia. *VDI* № 2, 2016.
- Abramov A.P. Antichnye amfoty. Periodizatsiia i khronologiia. *Bosporskii sbornik* 3. M., 1993.
- Anokhin V.A. *Monetnoe delo Bospora*. Kiev, 1986.
- Khrshanovskii V.A. Pogrebal'nye kompleksy IV v.n.e. na nekropole Kiteia. *BI* Vyp. II. Simferopol', 2002.
- Khrshanovskii V.A. Novye pogrebal'nye kompleksy V-IV vv.d.n.e. na nekropole Kiteia. *Bosporskie chteniia V. Etnicheskie protsessy*. Kerch', 2004.
- Khrshanovskii V.A. Raskopki nekropolei Kiteia i Ilurata v 2009 godu. *Arkheologichni doslidzhinnia v Ukraini*. Kiev-Luts'k, 2010.
- Khrshanovskii V.A. Elitnye sklepy IV-III vv.do n.e. na iugo-zapadnom uchastke nekropolia Kiteia. *Kul'turnyi sloi. Sb. Nauchnykh statei*. Vyp. 2. Nizhnii Novgorod, 2013.
- Khrshanovskii V.A. Kruglye sviatilishcha na Iluratskom plato. *Tavrisheskie studii* № 7. Simferopol', 2015.
- Khrshanovskii V.A. Gruntovye mogily na iugo-zapadnom uchastke nekropolia Kiteia (po materialam raskopk 1992–2013) *Kul'turnyi sloi. Sb. Nauchnykh statei*. Vyp. 4. Nizhnii Novgorod, 2016.

Боспорские исследования, вып. XXXV

- Krapivina V.V. *Ol'viia. Material'naia kul'tura I-IV vv.n.e.* Kiev, 1993.
- Kruglikova Ia.V. Fibula-brosh' iz nekropolia Kiteia. *Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* St.Pb., 2009
- Kucherevskaia N.L. O konservatsii skul'ptury iz osadochnykh kamnepodobnykh porod. *Bosporskii fenomen: greki I varvary na evraziiskom perekrestke. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* St.Pb., 2013.
- Maslennikov A.A. *Naselenie Bosporskogo tsarstva v pervye veka n.e.* M., 1997.
- Pavlichenko N.A. Nakhodka rimskogo kleima v Kitee. *FIDITIIa: pamiati Iu.V. Andreeva. Sb. Nauchnykh trudov.* St.Pb., 2013.
- Strzheletskii S.F., Vysotskaia T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I. Naselenie okrugii Khersonesa v pervoi polovine i tysiacheletiiia novoi ery (po materialam nekropolia "Sovkhoz № 10». *Stratum plus.* 2003-2004, №4. St.Pb- Kishinev- Odessa-Bukharest, 2005.
- Zeest I.B. Keramicheskaia tara Bospora. *MIA № 83.* M., 1960.
- Zhuravlev D.V. *Krasnolakovaia keramika Iugo-zapadnogo Kryma I-III vv.n.e.* Simferopol', 2010.
- Zin'ko V.N. "Goty" v Vostochnom Krymu. *BI XIX.* Simferopol'-Kerch', 2008.
- Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhitelei sel'skikh poselenii Evropeiskogo Bospora v III -IV vv.n.e.(po materialam gorodishcha Belinskoe I ego nekropolia) *Bosporskie Chteniia X. Aktual'nye problemy.* Kerch', 2009.
- Zubarev V.G., Kraineva A.A. Svetil'niki gorodishcha Belinskoe. *DB T. 7.* M., 2004.

Резюме

Статья посвящена итогам раскопок последних лет на юго-западном участке некрополя Китея. Заложенные в зоне интенсивной береговой абразии раскопы XLVI и XLVII подтвердили предположение о том, что здесь находится грунтовой некрополь IV в. н. э. Многочисленные монументальные следы погребальных и погребально-поминальных действий, открытые в ходе исследований, позволили предположить, что некрополь принадлежит сармато-аланам, активно проникавшим на Боспор после «готских» походов середины – второй половины III в. н. э.

Ключевые слова: Боспорское царство, «готские» походы, Китей, грунтовой некрополь, сармато-аланский этнос.

Summary

The article is devoted to the results of excavations of recent years in the south-western section of the necropolis of Kytaiia. The excavations XLVI and XLVII laid in the zone of intensive coastal abrasion confirmed the assumption that there is an underground vault of the IVth century AD. Numerous monumental traces of burial and burial funeral actions, discovered during the research, allowed to assume that the necropolis belongs to the Sarmatian Alans, who actively penetrated into the Bosphorus after the «Gothic» campaigns of the middle and the second half of the III century AD.

Keywords: Bosphoran Kingdom, «Gothic» campaigns, Kytaiia, underground vault, Sarmatian-Alanian ethnos.

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Хршановский Владимир Андреевич, к. ф. н.,
Институт археологии РАН,
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
научный сотрудник.
+7 921-743-66-64
vax48@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hrshanovskij Vladimir Andreevich, PhD,
Institute of Archeology RAS,
117036, Moscow, UL. DM. Ulyanova, 19.
Researcher.
+7 921-743-66-64
vax48@mail.ru

Рис. 1. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Вид с запада.

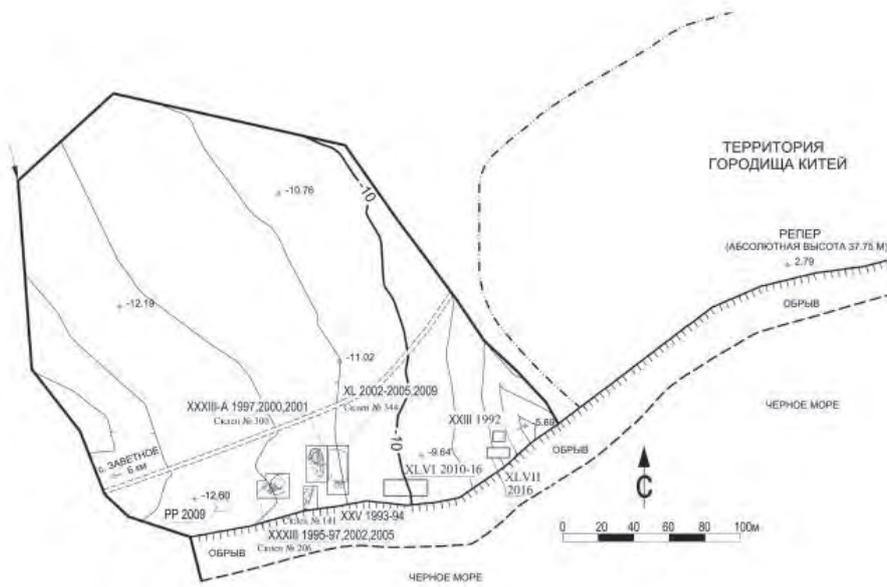

Рис. 2. Некрополь Китея. Юго-западный участок.
План с обозначением раскопов.

а

б

Рис. 3а,б. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL. Склеп 344.
а) Вид с юга. б) Вид с востока.

1

Рис. 4, 1-4.

1 – некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL. Склеп 344. Керамический комплекс в дромосе;
2 – ойнохоя лепная; 3 – тарелка краснолаковая; 4 – светильник красноглиняный.

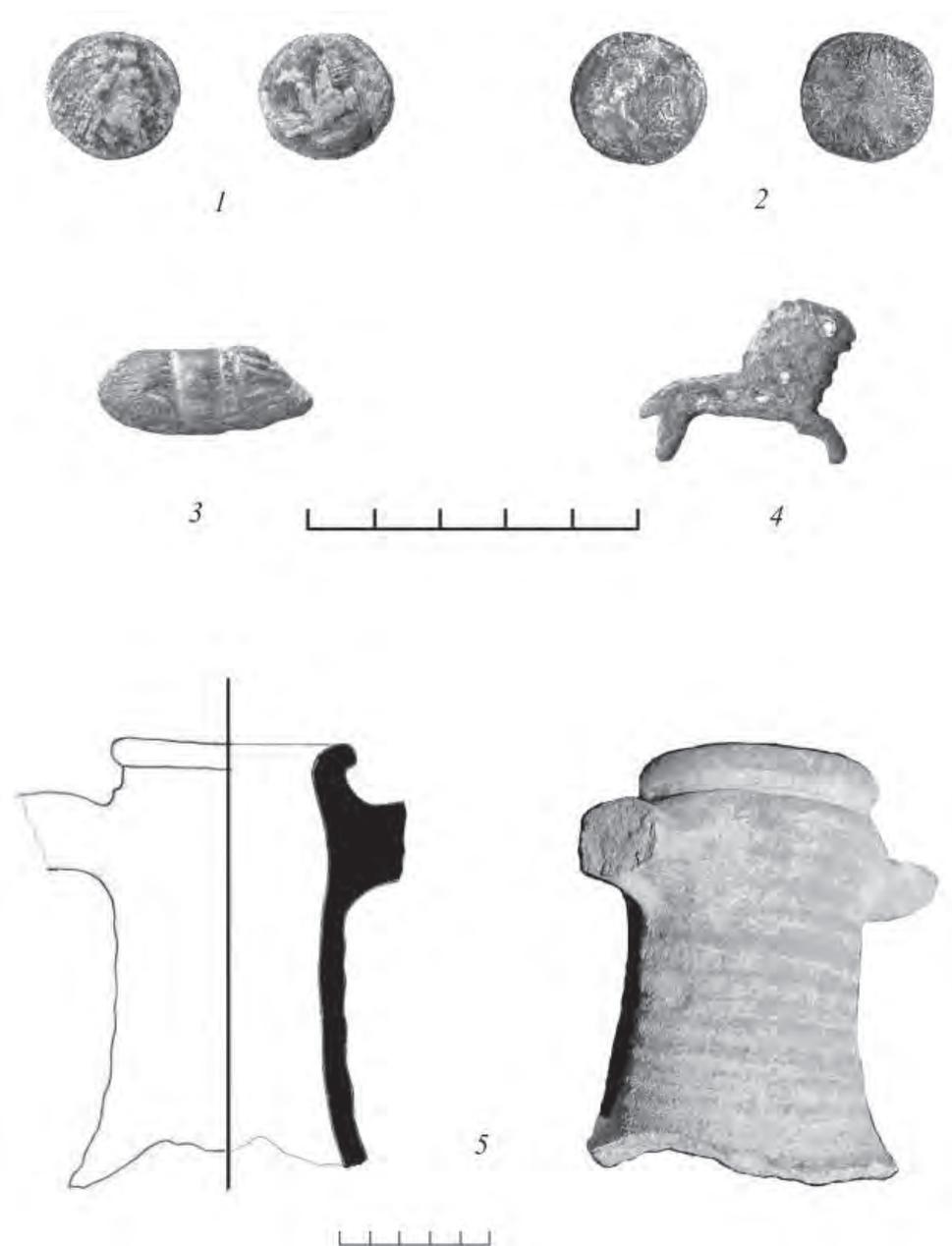

Рис. 5, 1-5. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XL.

Склеп 344. Находки из грунта заполнения:

- 1 – медная пантикапейская монета; 2 – медная монета Фофарса;
- 3 – бронзовая статуэтка в виде лежащей собаки; 4 – бронзовая фибула-брошь в виде бегущего льва;
- 5 – горло узкогорлой красноглиняной амфоры с ребристыми стенками.

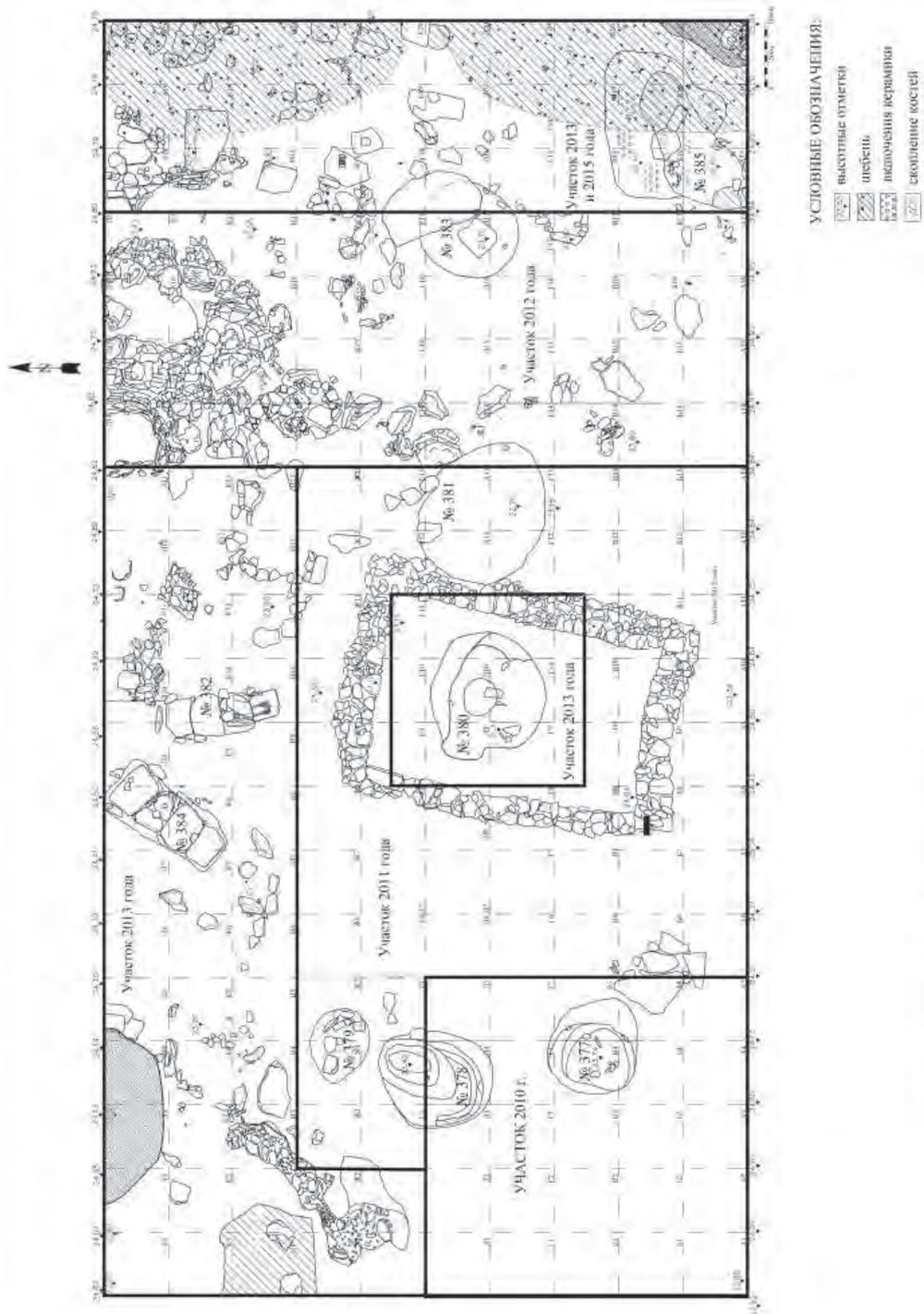

Рис. 6. Некрополь Кигея. Юго-западный участок. Раскол XLVI. Общий план с обозначением объектов.

а

б

Рис. 7а,б. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XLVI:
а) общий вид с северо-запада; б) вид с юга.

1

2

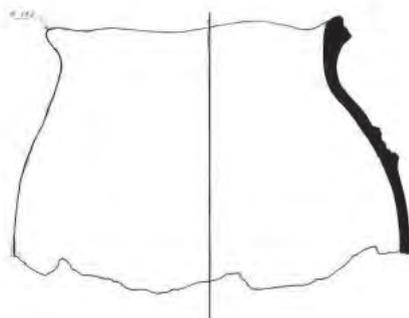

Рис. 8, 1-2. Некрополь Китея. Юго-западный участок. Раскоп XLVI.
Ритуальный комплекс № 380. Тризна.

1 – вид с севера; 2 – лепной горшок из комплекса.

Рис. 9, 1-3. Некрополь Китея. Юго-западный участок.
Раскоп XLVI. Тризна около могил № 382 и 384.

1 – вид с юга; 2-3 – амфоры из тризны.

Рис. 10, 1-4. Некрополь Китея.

Юго-западный участок. Раскоп XLVI.

1, 2 – медные пантикапейские монеты; 3 – стенки (ритуального?) сосуда с рельефным орнаментом (дионисийский сюжет);

4 – горло светлоглиняной толстостенной амфоры.